
Павел Терехов
Хроники Иллюмира.
ПОСЛЕДНИЙ ИЗ РОДА:
Сердце Земли

Павел Терехов

Хроники Иллюмира. ПОСЛЕДНИЙ ИЗ РОДА: Сердце Земли

https://litres.ru/74837187
SelfPub; 2026

Аннотация

Прошло несколько месяцев с тех пор, как Эйндарион стал Хранителем Авалона, но парящий остров стремительно угасает. Баланс нарушен, магические потоки нестабильны, а древний артефакт — Сердце Земли — бесследно исчез. Следы магии ведут в самое страшное место смертного мира — Чернобыльскую зону отчуждения, где радиация сплелась с первородной тьмой.

Чтобы спасти миллиарды жизней и удержать Авалон от падения, Хранителю предстоит спуститься в ад, где правят аномалии и теневые твари. Его проводником станет Гавейн — последний из Ордена Смертных, хранящий страшную тайну.

Ведомый чувством вины и долгом, Эйндарион шагнет под саркофаг Четвертого энергоблока.

Это история о том, что настоящие герои не увековечены в балладах — они стоят в радиоактивной грязи, сдерживая небо, пока другие пируют в парящих замках.

Содержание

Глава 1. Пепел равновесия 4
Глава 2. Последний из Ордена 12
Глава 3. Под саркофагом 22
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Павел Терехов
Хроники Иллюмира.
ПОСЛЕДНИЙ ИЗ РОДА: Сердце Земли

Глава 1. Пепел равновесия

Я стоял на холодном мраморе Зала Тысячи Свечей, и каждый вдох отдавался в груди горьким привкусом пепла. Он висел в воздухе невидимо, но ощутимо, будто сам парящий остров начал осыпаться в прах.

Прошло несколько месяцев с того дня, когда меня признали Хранителем. Тогда зал сиял: золотые нити рун вспыхивали на стенах, хрустальные сферы плыли под куполом, и сотни голосов сливались в едином «Да». Сейчас те же стены казались потускневшими, как старая бронза, покрытая въевшейся копотью. Даже свет, льющийся сквозь витражи, был не янтарным, а свинцовым — солнце за пределами Авалона словно наполовину погасло.

Верховный Магистр Аркон стоял у центрального постамента, не глядя на меня. Его пальцы нервно постукивали по рукояти Кадуцея Равновесия. Ритма, который я знал слиш-

ком хорошо. Это был звук сомнений. Аркон никогда не нервничал просто так.

Младшие советники сидели вдоль изогнутых скамей, их мантии сливались в единое тёмно-синее море. Но в этом море не было движения — только застывшие лица, напряжённые, как перед ударом грома. Они смотрели не на героя, спасшего мир, а на переменную в уравнении, где любой неверный шаг мог обрушить всю конструкцию.

— Баланс нарушен, — наконец произнёс Аркон. Его голос прозвучал непривычно глухо, без привычной властной тяжести. — Потоки магии нестабильны. Мы фиксируем разрывы в слоях реальности даже в самых защищённых точках. Авалон теряет высоту. Гравелинская точка кричит.

Слова повисли в воздухе, как осколки льда. Я задержал дыхание — холод от этих слов пробрался под кожу — и лишь потом сжал кулаки, стараясь удержать голос ровным.

— Что значит «нарушен»? Мы же стабилизировали узлы после прошлой войны. Выстроили новые печати, перераспределили энергию…

Аркон медленно поднял на меня глаза. В них не было гнева, не было даже строгости — только усталость, глубокая, как пропасть. — Значит, кто-то или что-то вытягивает силу из самой основы. Сердце Земли отсутствует.

Тишина прозвучала громче крика. Я услышал, как кто-то из младших советников судорожно втянул воздух. Сердце Земли. Древний артефакт, физический якорь, пришвар-

тованный к тронному залу Авалона. Без него тонкая грань между нашим миром и Нижним истончалась, как прогнившая ткань. Азраил, владыка Бездны, только и ждал такого шанса. И теперь этот шанс у него был.

— Это невозможно, — пробормотал я, хотя уже чувствовал подтверждение в собственной крови. Моя связь с магией Авалона дрожала, грозя оборваться. Тонкая, горячая боль пробегала по венам каждый раз, когда я пытался сосредоточиться на потоках. — Мы проверяли хранилище. Оно было запечатано. Руны, стражи, временные петли — никто не мог пройти.

— И теперь его нет, — сухо подтвердил Аркон. — И мы не знаем, кто или что его забрало. Или… — он запнулся, подбирая слова, — или его вынули ради спасения, а мы просто не знали об этом.

Меня обожгло внезапной догадкой, холодной и злой, как ледяной клинок. — Вы думаете на Артура.

Имя повисло между нами. Артур. Для всех он был героем, тем, кто жертвовал собой у стен Авалона, тем, чьё имя шептали с благоговением. И если Совет подозревал его, значит, дело было хуже, чем я думал.

— Мы не обвиняем, — тихо сказал Аркон, но в его голосе не было тепла. Только холодная, выверенная осторожность. — Мы констатируем. Следы магии, ведущие к пропаже, совпадают с теми, что мы фиксировали в районе Чернобыля. Там, где Артур запечатал купол.

Чернобыль. Зона отчуждения. Само это слово звучало как проклятие. Место, где магия и радиация сплелись в ядовитый узел, где реальность трескалась, как старое стекло. Я видел карты аномалий: пульсирующие пятна, где время шло иначе, где тени двигались сами по себе, а воздух становился густым, как смола.

Я шагнул вперёд, чувствуя, как внутри просыпается холодная решимость, вытесняя страх. Мои сапоги глухо стукнули по мрамору. — Значит, я пойду туда. Если Артур что-то сделал, я должен узнать правду. И я найду Сердце Земли.

Аркон посмотрел на меня так, будто видел не молодого Хранителя, а неофита, тянущегося к нестабильному порталу. В его взгляде мелькнуло что-то похожее на сожаление, но он лишь сложил руки на груди, отгораживаясь.

— Ты понимаешь, что это не просто экспедиция? Срединный мир сейчас — ловушка. Аномалии, теневые существа, патрули Азраила… Там нет правил, Эйндарион. Там есть только сила и боль.

— Я понимаю, — ответил я твёрдо, глядя ему прямо в глаза. — Но, если барьер падёт, физический мир сгорит в агонии, а следом рухнет и Авалон. Я не позволю этому случиться.

Зал замер в ожидании. Совет переглянулся, и Аркон медленно кивнул:

— Тогда мы подготовим для тебя всё, что сможем. Но помни: ты идёшь не только за артефактом. Ты идёшь за прав-

дой. И она может оказаться тяжелее, чем ты готов вынести.

Я не стал обещать, что выдержу. Вместо этого я просто развернулся и вышел из зала, чувствуя, как реальный, въевшийся в одежду пепел оседает на мои плечи. Двери закрылись за моей спиной с глухим стуком, похожим на удар колокола.

Снаружи небо Авалона было стальным, как перед бурей. Ветер трепал край моего плаща, и я на мгновение замер на балконе Башни Хранителя. Шпили пронзали низкие облака. Внизу, в парках Вечного Сада, механические садовники подрезали деревья, которые больше не цвели. Жизнь здесь продолжалась по инерции, но я чувствовал: тонкая нить, удерживающая это равновесие, вот-вот лопнет.

— Уходишь, не попрощавшись? Голос был низким, скрежещущим, как жернов, перетирающий гранит.

Из тени арки выступил Малакай. Он не был высок — гном едва доставал мне до пояса — но весил, должно быть, как два закованных в сталь рыцаря. Его кожа напоминала старый гранит, а борода, заплетённая в сложную косу с вплетёнными туда шестерёнками, опускалась до пояса. Он опирался на рукоять тяжёлого боевого молота, навершие которого было сделано из чистого адамантина. На нём не было мантий. Только практичный кожаный фартук кузнеца, покрытый масляными пятнами, поверх кольчужной рубахи.

— Я не думал, что ты придёшь. — Я не пытался скрыть холод в голосе. Малакай был главой Инженерного Корпуса, и

его прагматизм всегда раздражал меня. — Пришёл убедиться, что я улетаю навстречу смерти? — Пришёл убедиться, что ты не забыл взять инструменты, — гном фыркнул, выпустив облачко пара. — Твоя сентиментальность заразительна, Эйндарион. Ты стоишь здесь, смотришь на эти башни и думаешь, что спасаешь их. Но ты не спасаешь. Ты просто отсрочиваешь неизбежное. — Если есть шанс спасти миллиарды жизней Смертных, я обязан его использовать.

— Миллиарды Смертных, — Малакай сплюнул на мрамор. — Они ненавидят магию. Они боятся того, чего не понимают. Если ты вытащишь Сердце и спасёшь их, они первыми же воткнут тебе нож в спину за то, что ты «осквернил» их мир своим присутствием.

— Это не ради них, Малакай. Это ради Иллюмира.

— Нет, — он покачал головой, и его чёрные глаза-бусинки впились в меня. — Это ради твоего чувства вины. Ты винишь себя в том, что не мог помочь Варгулу. Ты винишь себя в том, что Артур ушёл во тьму. Ты гонишься за призраками, парень. Брось эту сентиментальность — она тебя убьёт. И да, твой титул «Хранитель» — лишь формальность крови, Эйндарион. Реальная власть теперь у Совета, а ты — просто их самый острый инструмент.

Он развернулся, собираясь уйти в свои мастерские, но остановился.

— Там, внизу, нет чести. Нет рыцарства. Есть только грязь, радиация и твари, которые будут рвать тебя на части.

Не играй в героя, парень. Будь прагматиком. Убей всех, кто встанет на пути. И если найдёшь там что-то интересное из технологий Смертных — принеси мне. Мне нужен корпус их главного реактора. Если мы поймем, как они управляют расщеплением без магии, Авалон больше никогда не будет зависеть от божественных побрякушек.

Он исчез в тенях арки.

Я посмотрел на небо. Тёмные тучи сгущались в воронку над Шпилем Совета. Авалон угасал, и я был последней искрой, способной его разжечь.

Доспехи лежали на каменной скамье. Я начал одеваться. Плотный поддоспешник, кевларовые пластины, поверх них — нагрудник из драконьей чешуи, той самой, что раньше носил Антон. Чешуйки были тёплыми и слегка вибрировали, словно чувствовали моё напряжение. Я закрепил на бедре ножны с мечом. Я больше не был просто магом, который верит в слова и договоры. Теперь я был оружием, которое должно пробить брешь в стене тьмы. И если для этого придётся рубить — я был готов.

— Хранитель, — голос связиста раздался из амулета на шее. — Портал в точке высадки стабилен. Координаты: Рыжий лес, сектор Гамма-7. Радиационный фон критический.

— Принял.

Я подошёл к краю балкона. Внизу, на посадочной площадке, мерцал синий овал портала. За ним была тьма. Я не оборачивался. Смотреть на Авалон сейчас было бы бессмыслен-

ной тратой секунд. Я шагнул в холодное марево перехода.

Последнее, что я услышал, прежде чем мир растворился в низком гуле сшиваемой ткани реальности, был звук ветра, гуляющего между пустыми шпилями. Путь назад закрылся. Впереди меня ждала Зона.

Глава 2. Последний из Ордена

Земля встретила меня запахом сырой каменной кладки и гнилой листвы — сладковатым, но тошнотворным. Срединный мир изменился - магия Нижнего мира просачивалась сквозь трещины реальности, искажая пространство и создавая зоны гравитационных аномалий.

Портал вытолкнул меня на край крыши разрушенной колокольни. Я едва удержал равновесие, ломая черепицу, и тут же спрыгнул вниз, приземляясь в слой пыли. В тумане виднелись руины церкви. Стены были покрыты чёрным мхом, который слабо фосфоресцировал в темноте.

Я был один — Аркон настоял на этом. «Твой запах дракона и так разнесётся на пол-Зоны, — сказал он перед отправкой. — Не тащи за собой хвост из магов. В Зоне выживают только параноики».

Здесь я был слеп. В Авалоне мне были открыты потоки энергии, я читал намерения по цвету ауры. Здесь мой драконий слух ловил лишь давящую пустоту, а магия сопротивлялась, будто пыталась вытолкнуть чужеродный объект. Каждый раз, когда я пытался нащупать направление, внутри вспыхивала острая боль, и мир обрушивался на меня глухой бетонной стеной.

Ориентируясь по карте, высеченной в памяти, я шёл через руины. Церковь была не просто заброшена — она была

выжжена. На стенах остались следы не огня, а концентрированной тьмы — чёрные полосы, будто кто-то стирал реальность ластиком.

В главном зале, у подножия рухнувшей статуи какого-то святого, я нашёл его. Гавейн сидел на обломке колонны и выглядел как часть этого мертвого пейзажа. Его доспехи были собраны из кусков титановых пластин и кольчужного полотна, скреплённых проволокой со следами запекшейся крови. На его поясе висел меч в ножнах, рядом лежал походный мешок, который, казалось, пережил уже не одно столетие. Лицо пересекал старый шрам, а глаза светились в полумраке жёлтым, звериным светом.

Он не удивился.

— Наследничек, — процедил он. Голос был хриплым, будто он годами кричал в радиоактивную пустоту. — Пришёл за этой железкой? Совету надоело, что могильник фонит на их хрустальные башни?

— Гавейн, — я шагнул вперёд. — Мне известно, что произошло между тобой и Советом и…

— Между нами тридцать лет лжи! — рявкнул он. — Они, чистенькие маги, сидели в своём парящем городе, пили нектар и оплакивали «павшего» Артура. А я? Я жил в тени. На Земле. Я дышал радиацией. Я хоронил людей, которых он не успел вытащить. Я видел, как его кровь превращается в свинец!

Гавейн сделал шаг, сокращая дистанцию.

— Ты хочешь пойти туда? — он ткнул пальцем мне в грудь. — Туда, где воздух хрустит на зубах? Где земля жжёт подошвы? Ты сдохнешь в первую же минуту. Радиация сожрёт твои лёгкие, а тени Азраила выпьют остатки мозгов.

Я смотрел прямо в жёлтые глаза старого воина. Ни страха, ни дрожи — только холодная решимость.

— Ты прав, — спокойно сказал я. — Я не знаю, как выжить в Зоне. Поэтому и пришёл к тебе. Ты единственный, кто знает путь к реактору. Единственный, кто сможет провести меня мимо блокпостов и тварей, которые плодятся в тех лесах.

— С чего ты взял, что я помогу тебе? — Гавейн усмехнулся, обнажая клыки, острые, как обсидиановые осколки. — Чтобы ты вытащил Артура, вернулся в свой хрустальный дворец и забыл о том, что он — мученик?

— Нет. — Я снял с пояса свой меч и положил его горизонтально между собой и Гавейном. — Я вытащу его.

Гавейн замер. Он смотрел на меня долго, выискивая ложь. Но её не было. Только тяжесть выбора.

— У тебя есть сорок восемь часов, наследник, — наконец сказал он. — Потом бетонная могила треснет. И если мы не вытащим оттуда Артура, я лично прослежу, чтобы твой прах смешался с пылью этого места.

Он развернулся и пошёл к выходу из зала, даже не оглянувшись.

— Выдвигаемся на закате, — бросил он через плечо.

Я догнал его у выхода во внутренний двор.

— Почему? — спросил я, стараясь попадать в его шаг. — Почему ты помогаешь мне? Ты же ненавидишь Авалон.

Гавейн остановился. Он достал из кармана плаща небольшую керамическую сферу и сжал её в кулаке. Послышался тихий треск. Воздух вокруг нас мгновенно стал тяжёлым. Магия исчезла. Мир снова обрушился на меня глухой стеной.

— Я ненавижу вас, — прошептал он. — Не Артура. Артур был человеком. Он спустился в этот ад, потому что знал, что такое долг. А вы? Вы, маги, сидели в своих башнях. Когда Орден Смертных остался удерживать периметр, пока Артур готовил ритуал, что сделал ваш Совет?

Он активировал сферу.

— Они забрали драконов, — прошипел Гавейн, подходя вплотную. — Сказали, что чешуйчатые слишком ценны, чтобы рисковать ими в аномалиях. А нас… нас оставили здесь. С железом и порохом. Мы умирали от лучевой болезни, пока вы учили новые поколения танцевать на балах.

Он ударил меня. Не мечом — кулаком в челюсть. Удар был тяжёлым, но я устоял, лишь мотнув головой. Я ответил не магией. Влетел в него плечом, чувствуя, как подаются его рёбра, и добавил локтем. Гавейн крякнул, но не упал. Мы сцепились. Это была не дуэль, а грязная, жестокая драка. Он пытался достать меня кулаком, я блокировал удары, уходя в клинч. Здесь, в этом месте, моя драконья выносливость зна-

чила больше, чем умение плести заклинания. Я заломил его руку за спину, прижав лицом к холодному камню.

— Отпусти, — прохрипел он.

Я разжал хватку. Он выпрямился, тяжело дыша, сплюнул кровь на землю.

— Ты не такой, как они, — наконец сказал он, глядя на меня с удивлением. — Маг, который дерётся как мясник.

— Я вырос не в библиотеке, — ответил я, растирая ноющую челюсть. Гавейн долго смотрел на меня, потом криво усмехнулся.

— Ладно. Но запомни - когда мы спустимся под купол, командую я. Если я скажу лечь в радиоактивную лужу — ты ляжешь. Если скажу бросить меч — ты бросишь. Твоя магия там — это просто красивая вспышка перед смертью.

Мы вышли из руин монастыря. Лес встретил нас багровым закатом. Гавейн шёл впереди, раздвигая сухие ветви. Его спина была неестественно прямой для человека, несущего на себе десятилетия боли.

— Как думаешь, почему Орден перестал существовать, Хранитель? — внезапно спросил он, не оборачиваясь. Его голос в вечерней тишине звучал как скрежет гравия. — Потому что Орден — это клятва. А клятву нельзя нарушить наполовину.

Он остановился у старого дуба, кора которого шелушилась, обнажая светящуюся синим древесину.

— До аварии мы были щитом. Артур создал нас как мост

между мирами. Маги Авалона давали нам силу, лечили наши раны, зачаровывали оружие, продлевали жизнь. А мы — Смертные — были их руками. Мы стояли на стенах там, где магия сбоила. Мы были дипломатами, солдатами, палачами. Мы верили в единство.

Гавейн присел на поваленное дерево, достал старую армейскую флягу и сделал глоток.

— Когда рвануло… когда Тень Азраила простерлась на реактор… начался хаос. Маги Совета запаниковали. Они увидели, что барьер падает. И тогда они сделали то, что делают все, кто боится утонуть, — побежали спасать корабль. Был созван Экстренный Круг. Артур уже был внизу, в самом пекле, пытаясь вручную сдерживать выброс. А наверху, в Зале Тысячи Свечей, Аркон и остальные решали, кого бросить за борт. Они смотрели на Землю. Радиация убивала Смертных быстрее, чем магия. Исцеление работало через раз. И Совет принял «Протокол Исхода». Они решили, что Авалон важнее.

Он помолчал, будто слова царапали ему горло.

— Эвакуация требовала энергии. Огромного количества чистой магии. Где её взять? В Хранилище? Нет. Оно было нужно для поддержания барьера над городом все эти годы. Они решили забрать её у Ордена.

— Что они сделали? — спросил я, чувствуя, как холодеет в груди.

— Они выпили нас, — тихо сказал Гавейн. — Верховный

Круг наложил на Орден «Песнь Поглощения». Древняя магия, которую используют, чтобы забрать силу умирающего бога. Они вытянули жизненную энергию из каждого Смертного, связанного клятвой. Десять тысяч рыцарей. Мужчины, женщины… они не умирали в бою. Они просто рассыпались в пепел прямо в своих постелях, в казармах, на стенах, чтобы наполнить хранилища магии Совета.

Он запрокинул голову, глядя на мертвое небо.

— Мой брат, Кей… он был в Лондиниуме. Я говорил с ним по телефону за минуту до того, как связь оборвалась. Он сказал, что чувствует себя странно, что ему тепло. А потом в эфире раздался только звук бьющегося стекла. Его не стало. Всех их не стало. Их сила стала топливом для порталов, которые спасли ваши драгоценные шкуры от выброса.

Гавейн поднялся. Его лицо было мокрым то ли от дождя, то ли от слёз.

— Артур не знал об этом. Когда он вернулся из Авалона… когда поместил Сердце в реактор и спас то, что осталось от Земли, он остался под саркофагом в качестве живой батарейки для стабилизации защитного поля. Никто не рассказал ему, что цена спасения волшебного острова — геноцид его самых верных воинов. Я плюнул им под ноги прямо в Зале Совета. Я назвал их мясниками. И вернулся в Зону, чтобы охранять покой Артура и попытаться как-то вытащить его из ловушки.

Он сплюнул на землю уже здесь, в Зоне.

— Поэтому Орден мёртв. Вы забрали не просто наши жизни. Вы забрали нашу веру. А я остался здесь, потому что ненавижу этот ваш парящий город. Каждый раз, когда я смотрю на него в небе, я вижу гору, сложенную из костей моих братьев.

Гавейн сжал флягу так, что старый металл застонал. Он развернулся и пошёл дальше в темноту леса.

— Теперь ты понимаешь, Хранитель, почему я не склоню перед тобой колено? — бросил он через плечо. — И почему, если ты хоть на секунду усомнишься в том, стоит ли вытаскивать Артура, я оставлю тебя прямо здесь. На корм волкам, которые светятся в темноте.

Я ничего не ответил. Слова были лишними. Я лишь кивнул и пошёл следом, ступая точно в его следы.

Мы вышли из-под защиты руин. Лес встретил нас багровым, болезненным закатом. Солнце здесь не садилось — оно тонуло в ядовитом мареве, разливая по верхушкам мёртвых сосен густую, чёрную кровь. Гавейн шёл впереди, раздвигая сухие, ломкие ветви. Он двигался экономно, плавно, как хищник, знающий, что у него нет права на ошибку.

Я проверил крепления доспеха. Нагрудник из драконьей чешуи, казалось, потяжелел втрое, чувствуя близость отравленной земли. Мой меч - артефакт Авалона, моя родовая магия — всё это осталось там, на балконе Башни Хранителя. Здесь я был просто выносливым существом с острым куском стали.

Впереди, между чёрными стволами, замаячили очертания старого периметра. Ржавая колючая проволока, натянутая между бетонными столбами, всё ещё искрила слабым, болезненным светом — остаточная энергия давно мёртвых охранных контуров. За ней начиналась настоящая Зона.

Гавейн остановился у самой границы леса, не выходя на открытое пространство.

Я остановился в шаге за его спиной. Ветер гнал по выжженной траве сухие листья и серую пыль.

— Закат через десять минут, — глухо сказал Гавейн, не оборачиваясь. — Через полчаса поднимется туман. В тумане тени не спят.

— Я готов, — ответил я.

Он наконец обернулся. Жёлтые звериные глаза смерили меня с головы до ног, задержавшись на рукояти меча. В них не было ни уважения, ни ненависти — только холодный расчёт мясника, оценивающего тушу.

— Нет, — отрезал он. — Ты не готов. В тебе слишком много Хранителя. Слишком много чести.

Гавейн шагнул вплотную, нависая надо мной, несмотря на разницу в росте. От него несло застарелым потом, оружейной смазкой и дешёвым спиртом.

— Слушай меня внимательно, мальчишка, — его голос понизился до вибрирующего шёпота, от которого стыла кровь. — Там, под саркофагом, нет добра и зла. Там нет драконов и магов. Там есть только давление в тысячи атмосфер

и твари, которые жрут кости.

Он ткнул жёстким пальцем мне в нагрудник.

— Твоя драконья ярость там сдохнет от первой же дозы. Твоя магия там — это просто красивая вспышка перед смертью. Выживет только холод. Только страх, который станет твоим вторым сердцем.

Я не отвёл взгляд. Я смотрел в его изуродованное шрамом лицо и чувствовал, как внутри что-то обрывается. Последняя нить, связывавшая меня с тёплым мрамором Зала Тысячи Свечей, лопнула. Авалон с интригами и хрустальными башнями остался в другой жизни.

— Я понял, — тихо сказал я.

Губы Гавейна дрогнули в подобии усмешки. Он медленно кивнул, принимая ответ.

— Хорошо.

Я глубоко вдохнул ядовитый воздух. Он обжёг лёгкие, но дрожи не было.

Позади, в сгущающихся сумерках, остался пустой, мёртвый монастырь. Впереди ждала темнота, в которой не было места героям. Двери Зоны закрылись за моей спиной с глухим стуком, похожим на удар колокола по покойнику.

Глава 3. Под саркофагом

Бетонный саркофаг, наспех возведённый над четвёртым энергоблоком, гудел. Это был не звук работающей техники — электричества в Зоне отчуждения не было уже тридцать лет. Это был вой заживо погребённого зверя, рвущийся из самой сердцевины бетона. Радиационный фон здесь был настолько высок, что дозиметры в моих руках и в руках Гавейна зашкалили и превратились в бесполезные куски пластика. Кожа под доспехами зудела, будто по ней ползли невидимые муравьи, оставляющие ожоги.

Обычный человек, маг или даже закалённый рыцарь Круглого стола испарился бы за секунды, оставив лишь тень на бетоне. Но кровь Пендрагонов и драконов Авалона текла в наших жилах, и сейчас она кипела, превращаясь в жидкий огонь. Эта магия не делала нас неуязвимыми — она переплавляла смерть в боль, а боль — в силу. И эта сила жгла изнутри.

— Стой, — тихо скомандовал я, опускаясь на одно колено перед монолитной стеной «Укрытия». Мой голос сорвался на хрип. — Оно… оно кричит, Гавейн. Вся эта земля кричит от боли.

Гавейн встал плечом к плечу со мной. Он сорвал с пояса бесполезный дозиметр и с глухим рычанием швырнул его в темноту.

— Я чувствую его, Эйндарион! — голос Гавейна дрожал от едва сдерживаемой ярости и чего-то очень похожего на слёзы. — Он прямо за этой стеной. Но это не смерть. Это… проклятое, бесконечное самопожертвование! Будто кто-то держит в ладонях само солнце, пока его плоть превращается в пепел, и не может разжать пальцы, потому что иначе мы все сгорим!

— Он и держит, — я закатал рукав. Дрожащими пальцами достал старый обсидиановый кинжал. — Но мы пройдём. Магия крови драконов распознаёт в этом излучении искажённый огонь. Оно примет родню.

— Тогда режь, — глухо отозвался Гавейн, стирая рукавом сажу со лба. — Режь, пока я не сошёл с ума от этого воя.

Я полоснул по ладони. Боль пришла не сразу — сначала был лишь холод стали. Но в ту секунду, когда плоть разошлась, по нервам ударило раскалённым копьём. Кровь, густая, вязкая и светящаяся расплавленным золотом, не потекла — она с тяжёлым, густым толчком выплеснулась на раскрошенный бетон.

Я зашипел сквозь стиснутые зубы. Жар, родившийся в ладони, мгновенно растёкся по венам. Мне казалось, что под кожей вместо крови течёт кипящая смола. Каждый удар сердца отдавался в висках набатом, вены на шее и висках вздулись, превратившись в пульсирующие, светящиеся изнутри золотистые канаты. Боль была невыносимой, но я знал - если я сейчас дрогну, если позволю страху отравить этот

жертвенный огонь, радиация разорвёт нас на атомы.

— Пейте, — прошептал я и в этом шёпоте была мольба. — Пейте его ярость. Заберите его боль.

Золотые капли коснулись раскрошенного бетона, и Зона взвыла так, что, казалось, сейчас лопнут барабанные перепонки. Радиация встретилась с кровью древнего ящера. Для смертных это по-прежнему была верная гибель, но для нас смертоносный поток превратился в густой, тяжёлый, но проходимый кисель. Я чувствовал, как невидимые лучи впиваются в мою ауру. Золотое пламя крови перехватывало их на подлёте и поглощало, превращая смертоносную энергию в горький, металлический привкус на языке. Каждый глоток отзывался болью, будто я глотал раскалённый пепел.

— За мной, — бросил я, делая шаг сквозь монолитную стену.

Шаг сквозь бетон ощущался как погружение в ледяную воду. Стена сопротивлялась, давила на грудь, пытаясь выдавить воздух из лёгких. Я чувствовал, как физические волокна бетона цепляются за каждую мышцу, а сквозь них пробиваются невидимые иглы радиационного холода, вонзаясь в мышцы. Я выдохнул и изо рта вырвалось облачко пара.

Внутри, под многотонными перекрытиями саркофага, царила вечная, искусственная ночь. Мы шли по искорёженным конструкциям бывшего реакторного зала, оскальзываясь на битом стекле, пока не упёрлись в невидимую преграду. Я вытянул руку. Пальцы встретили упругое, пульсирующее со-

противление. Купол дрожал, по его сиреневой поверхности пробегали болезненные сполохи. Я прижал ладонь к преграде и меня едва не стошнило от нахлынувших ощущений. Это была не просто стена. Это была агония, застывшая во времени. Я чувствовал фантомную боль тысяч людей, погибших здесь, чувствовал обжигающий жар графита и ледяной ужас неминуемой смерти.

— Он жив, — выдохнул Гавейн, прижимая обе ладони к преграде. — Милосердная Владычица, он всё ещё жив! Артур! Артур, это Гавейн! Ты слышишь меня?! — он заколотил кулаками по невидимому стеклу, его голос сорвался на отчаянный крик. — Да очнись же ты, старый упрямый дурак!

Имя короля ударилось в купол и рассыпалось беззвучным эхом.

— Он держит это сам, — я покачал головой, моё лицо исказилось от сострадания. — Своим сердцем.

В центре купола, в огромном зале, который когда-то был бассейном-барботером, на возвышении из оплавленного свинца стоял человек. Артур.

Он не был ни жив, ни мёртв. Время вокруг него словно застыло в ужасе. Длинные седые волосы не колыхались, хотя под куполом гулял ледяной ветер. Глаза его были плотно зажмурены, а лицо лишено всякого выражения — маска человека, который давно умер, но забыл упасть. Артур находился в состоянии абсолютного стазиса и источником этой заморозки был он сам. Каждая клетка его тела горела, сжи-

гая последнюю жизненную силу, чтобы питать этот сиреневый кокон.

— Он выглядит умиротворённым, — тихо произнёс Гавейн, и в его голосе звенела невыразимая горечь. — Словно просто спит… Но я знаю это лицо. Видел его перед последней битвой. Он не спит, Эйндарион, — голос Гавейна дрогнул. — Он кричит. Так, что небеса должны треснуть, а мы просто не слышим этого крика.

Но потрясло меня не это. Руки Артура были воздеты к потолку, и в его сомкнутых, почерневших от жара ладонях, билось алое, пульсирующее нечто. Оно не горело, оно существовало, излучая первобытную мощь. Я активировал истинное зрение, и мир вокруг выцвел, оставив лишь потоки энергии. И я понял.

— Гавейн… — мой голос дрогнул, ломаясь от подступающего ужаса осознания. — Гавейн, посмотри на меня. Совет Старейшин Авалона ошибался. Все эти годы мы считали его погибшим. Мы… мы бросили его.

— Я знаю, — рыцарь не отрывал взгляда от фигуры на свинцовом постаменте, его плечи опустились, словно на них рухнул весь вес саркофага. — Мы нашли его щит у Четвёртого блока и решили, что Артура просто выбросило взрывной волной. Мы… мы поверили в это, потому что так было легче спать по ночам.

— Его не выбросило, — я смотрел на алое сердце в руках короля и в моих глазах стояли слёзы бессильной ярости.

— Артур подменил собой графит. Он вобрал в себя бесконечную, разрушительную цепную реакцию и запер её в своей груди. Он держит в руках Сердце Земли, Гавейн. Он использует его как ядро реактора, чтобы сдерживать смерть, которая должна была уничтожить этот мир. Он стал живой бомбой, которая никогда не взрывается.

Гавейн сжал кулаки так, что побелели костяшки. Его трясло.

— Все эти годы! — выдохнул он. — Вы пировали в Авалоне, слагали баллады о его великой жертве, а он… он стоял здесь. Один. В этом аду. Ради нас. Если мы снимем купол, если он сейчас упадёт… — Гавейн задохнулся, хватая ртом тяжёлый воздух. — Внизу начнётся новый взрыв. На этот раз — магический. Снесёт половину Европы. Мы не можем его трогать. Мы должны уйти, Эйндарион! Оставить его здесь, как… как оставили всё это время!

— Если мы ничего не сделаем, он сгорит дотла! — я схватил рыцаря за плечи, встряхивая его. Мои глаза горели драконьим золотом. — Посмотри на него! Гавейн, он рассыпается! Ещё час, и от него останется только пепел и этот проклятый кристалл! Я должен войти внутрь. Магия крови выдержит первый удар стазиса. Но мне нужен якорь. Гавейн, если я превращусь в такую же ледяную статую, если эта боль затянет и меня — ты должен будешь вытащить меня. Даже если придётся отрубить мне руку. Поклянись, слышишь?!

— Ты не превратишься, — Гавейн поднял на меня взгляд,

в котором безумная ярость сменилась стальной, холодной решимостью. Он положил руку на рукоять меча. — Потому что мы вытащим его. Вместе. Говори, что делать, и к демонам последствия!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.